

Василий Лягоскин

Проклятие Роксоланы

Пятая история из цикла «Ах, уж эти мужики!»

Василий Лягоскин

**Проклятие Роксоланы.
Пятая история из цикла
«Ах, уж эти мужики!»**

«Издательские решения»

Лягошкин В.

Проклятие Роксоланы. Пятая история из цикла «Ах, уж эти мужики!» / В. Лягошкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851483-8

Что может быть сильнее проклятия женщины-колдуньи? Чтобы ответить на этот вопрос, а главное — разорвать круг заклятия, Валентине Степановне с подругами придется раз за разом возвращаться в одно место: на берега Босфора. Так прописало провидение. Но наши героини сами определяют свое будущее... и прошлое.

ISBN 978-5-44-851483-8

© Лягошкин В.
© Издательские решения

Проклятие Роксоланы

Пятая история из цикла

«Ах, уж эти мужики!»

Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2017

ISBN 978-5-4485-1483-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались с небес;
Из яйца, из темной части
Тучи в воздухе явились.*

Звезда и месяц практически не поменяли своего положения над горой; а буря действительно назревала. Не та, природная, которая очень редко заглядывает в эту жаркую страну, большую часть которой занимала пустыня; а человеческая, что прорвалась безумным криком из уст Виктора Николаевича. И Валентина, и подруги вполне понимали ужас и растерянность, которые заполняли этот долгий вопль. Еще вся шестерка немного поудивлялась собственному бесстрастию и смелости. Судите сами – в правой руке женщины затихали резкие, ломаные движения того самого кошака, что первым вцепился когтями в лицо Хусейна. Железные пальцы Валентины, которым помогли пять других ладоней, не менее безжалостных, наверное, растерли в мелкую крошку каждую косточку шеи несчастного животного. Вот кошка дернулась в последний раз, и вытянулась безжизненной тушкой в руке Валентины Степановны. Внимание шести красавиц переключилось на другую общую руку, пальцы которой намертво сжались на рукояти молотка Пигмалиона. Именно работа этого артефакта поразила Николаича настолько, что его безумный крик все никак не кончался, заставляя обитателей отеля сбегаться к райскому уголку.левой рукой Кошкина методично и сильно колотила молотком по тому, что совсем недавно было ядовитой змеей. Теперь на столешнице лежала удивительно равномерная по толщине лента шириной сантиметров десяти. Кожа гадины даже не лопнула; разве что голова представляла собой кашу из костей черепа, крови и яда.

– Вот! – Валентина Степановна горделиво воскликнула внутрь себя, – мастерство не пропешь!

– А что? – осторожно поинтересовалась Дездемона, – ты раньше вот так... с ядовитыми змеями – частенько?

– Со змеями – нет, – честно призналась простая русская женщина, – а вот отбивную приготовить... какая, по большому счету, разница – свиное мясо отбивать, куриное, или змеиное. Главное – результат!

– А отбивная – это что? – пискнула Дуньзада, которая, как и все остальные гости из прошлого, не застала времен, когда Вале приходилось по полдня крутиться на крохотной кухоньке двухкомнатной геленджикской квартиры, – вот это?

Валентина позволила арабской принцессе опустить молоток на столешницу, и ткнуть пальцем в серебристую ленту, где под мерцавшей в лунном свете кожей была готовая к применению змеиная отбивная. Как раз к этому моменту воздух в легких Николаича кончился, и он замолчал. И тут же заблеял тухлым испуганным голосом хозяин отеля, который первым ворвался в маленькую беседку. Его внушительная фигура загородила проход от других доброхотов, спешивших на помощь.

– Э-э-э! – протянул хозяин, протягивая палец в сторону змеи и кошки, которая уже лежала рядом, – что это такое?

*Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово.*

– Это ты у меня спрашиваешь? – начала свое слово Валентина Степановна, уперев кулаки в бока, – это я у тебя спрашиваю – зачем ты велел подбросить ядовитую змею и бешеную кошку в нашу беседку?

– Да, зачем?! – воскликнули вслед за ней царицы, княжны и принцессы: и несчастный араб словно услышал их.

Он рухнул на колени перед женщиной, чего, наверное, в этих краях не делал ни один правоверный мусульманин со времен пророка Мухаммеда, и в отчаянии протянул к ней руки. Валя ловко цапнула со столика расплюснутую змею, и вложила ее в них, чуть слышно пробормотав:

– Держи, мне не жалко!

Арабский мужчина только теперь, наверное, понял, на что именно он указывал перстом. А тут еще аспид в его ладонях шевельнулся; так, по крайней мере, показалось Валентине Степановне. Рядом громко икнул Виктор Николаевич, захлебнувшийся громадной порцией свежего морского воздуха. Этот звук словно стал командой для араба – тот молча рухнул на мозаику пола, потеряв сознание. И никто, что примечательно, не ринулся поднимать почтенного хозяина. Сбежавшиеся гости – а их было уже десятка два – с ужасом и восхищением наблюдали за величественной фигурой русской туристки, в которой сейчас царственной надменности и совсем не показного негодования было больше, чем во всех вместе взятых эмирах и султанах Персидского залива.

– И он еще утверждал, что здесь лучший отель Арабских Эмиратов! – женский палец переместился с неподвижной, хрипло дышащей туши хозяина на толпу, и та в испуге отступила, – может, самый дорогой? Согласна. Но до лучшего ему... Пойдем, Витя!

Николаич поспешил за супругой, перескочив через араба не так ловко, как Валентина Степановна, и стараясь не смотреть в потрясенные лица собравшихся, в одно мгновение образовавших для Кошкиных широкий коридор. Он единственный здесь (кроме самих путешественниц, конечно) понимал, что за чудо произошло практически на глазах десятков свидетелей, и откуда появились кошмарные твари, с которыми так ловко и беспощадно расправилась его супруга.

Уже свернув с бетонной дорожки насыпи на роскошную территорию отеля, ярко освещенную светильниками под старину, он бросил в спину Валентины чуть возмущенно:

– Зачем весь этот спектакль, Валюша? Может, у человека инфаркт случился?

Супруга ответила строками пока неизвестного ей поэта:

*Чтобы вечер был веселым,
Чтобы день наш был украшен,*

*И чтоб утренним весельем
Завтра день у нас начался.*

День действительно начался занятно. Дверь президентского номера, которую Валентина открыла со всей широтой и русской, и эллинской, и арабской с итальянской душ, едва не впечаталась в широкий лоб хозяина отеля. Он – как представила себе весело фыркнувшая Дездемона – скорее всего не спал всю ночь; думу думал.

– О том, – хором догадались красавицы, – как не уронить престиж отеля ниже плинтуса; как сохранить в тайне ужасные события, поставившие на уши прошедшей ночью и его самого, и весь персонал.

Персонал этот, наверное, весь выстроился вдоль длинной стены широкого коридора с опущенными покаянными лицами. Валентина милостиво кивнула всем, заставив хозяина, а потом остальных (как по команде) расцвести, подобно весенним цветам. Ничего удивительного в таком благодушном, даже смиренном поведении грозной мадам Кошкиной не было. Этой ночью ни сама она, ни подруги, ни Виктор Николаевич почти не спали. А все из-за нескольких фраз, которые Валюша бросила в ответ на приставания шести самых близких ей людей. И подруги, и Кошкин вслух недоумевали – что же так сильно подействовало на Валентину Степановну, что та так внезапно, в одночасье «завязала»? Так выразилась Ярославна, и все ее поняли.

– Да, – первыми подступили элинки, – что так поразило тебя? Опухшая физиономия Селима? Или ужасная судьба Халиде, его жены?

– Нет, – качнула головой Валентина, – просто у меня перед глазами стоят, и не хотят уходить их детишки – мальчик и девочка. А если бы это были наши дети, Витя?

– Наши?!!

Виктор Николаевич вскочил с постели в великом возбуждении, не заметив, как в сторону, на пушистый ковер, отлетел ноутбук, и картинно закатил глаза, собираясь подобно хозяину отеля рухнуть в обморок.

*Что ты, право, за мужчина,
Что за богатырь могучий?
Чуть покойника ты краше
Чуть погибшего сильнее.*

Надо сказать, что Кошкин как раз работал над разгадкой очередного стихотворного паролка Валентины Степановны. Ему оставалось пару раз стукнуть пальчиком по клавиатуре, и вот она – возможная разгадка нового путешествия. Но – не случилось. Виктор Николаевич готов был забыть не только про все компьютеры на свете, но даже про свою любимую историю, когда супруга буквально добила его, заодно заставив подруг открыть в изумлении отсутствующие рты:

– Пора нам, Витенька, заводить своих детишек. Я как раз хочу двоих – мальчика и девочку...

– Ура! – первой заорала Дездемона, – чур, я девочке имя придумаю!

– Тише ты! – шикнули на нее сразу четверо встревоженных женщин, – не видишь, Николаичу плохо!

Пятая, сама Валентина, уже сидела на ковре рядом с распластавшимся на нем же мужем, и баюкала его голову, прижатую к нежной груди. Он словно уже ощущала в руках легкое тельце ребенка...

В общем, к утру все были в относительном порядке; помирились после нешуточных ссор по поводу имен будущих детей: поделились с Валеи, а через нее и с Николаичем ценными

советами по воспитанию малюток, на что Кошкин, до сих пор в прострации качавший головой, едва слышно прошептал:

– Хорошо, что я в древнюю Спарту не попал...

А потом самая юная, и самая нетерпеливая Дуньязада воскликнула, прогнав незаметно подступающий ко всем сон:

– И чего мы ждем? Давайте приступать!

– К чему? – хохотнула еще более веселая Дездемона, уже понявшая, какой ответ последует от арабской принцессы:

– Как к чему?! Давайте начнем детей делать!

Тут уже не выдержали все; даже Виктор Николаевич заржал, забыв и о головной боли, и о змее с кошаком, и о несчастном хозяине отеля. А потом замолчал, плотоядно облизав губы пересошим языком.

– Нет! – решительно возразила Валентина Степановна, – сначала выгоню всю дурь алкогольную из тела и души – до последней капельки. Во-вторых – к этому шагу я буду готова только после того, как буду уверена – больше ничто, никакие путешествия, не отвлекут меня от наших крошек... (после общего хора горестных возгласов она добавила) по крайней мере, до того, пока они подрастут настолько, что их можно будет оставить с папой.

Она опять прижала голову Николаича к общей на шестерых груди, и полузадушенный муж прохрипел сквозь соблазнительную плоть:

– Ну и брось свои приключения к чертовой матери; у нас и здесь, в двадцать первом веке, найдется, чем заняться.

– Не могу, – Валентина со вздохом отпустила супруга, – вот прямо сейчас что-то зовет меня в неведомое:

*Он взнуздал коня лихого
И запряг в золотые сани.
Сам уселся он на сани,
Сел удобно на сиденье
И коня кнутом ударил.*

Она действительно взмахнула рукой, которой сжимала рукоять невидимого кнута, и Виктор Николаевич сам не заметил, как оказался сидящим в дальнем краю необъятной кровати – с ноутбуком на коленях, и взглядом, прикованным к экрану. Ровно через минуту Кошкин торжественно заявил:

– «Калевала»... карело-финский эпос. Как тебя далеко занесло... В самую Лапландию, на родину Деда Мороза.

– Дед Мороз... это кто? – осторожно спросила принцесса Дуняша.

– Это сказка, – серьезно ответил ей Николаич, – сказка про север, про жгучие морозы, про места, где живут северные олени, а коварные Снежные королевы увлекают в ледяной плен доверчивых мальчиков.

– Я не хочу на север, – Дуньязада готова была разразиться рыданиями.

Одного она не учла – Валентина Степановна давно забыла – что это такое, рыдать и биться в истерику. Кошкина очень удачно вспомнила шакала Табаки (общий вопрос: «А кто это такой?!»), и его знаменитую тираду: «А мы пойдем на север!», и заявила – громко и непрклонно:

– Завтра же... нет – сегодня! Да, сегодня же летим в Финляндию. И знаете почему?

– Почему? – горестным хором воскликнули подруги.

– Почему? – еще громче спросил Николаич, готовый немедленно отправиться хоть на Северный полюс – только вместе с супругой.

– Потому что, – Валентина обвела всех победным взглядом, – в Финляндии давно объявлен сухой закон.

– Это ты «Особенностей национальных охоты и рыбалки» насмотрелась, – проворчал Виктор Николаевич, опять приникая к клавиатуре ноутбука.

Скоро и он, и Валентина мирно дремали под одной простыней, а с экрана радовали зрительниц героини всех серий «Особенностей». Не знающие потребности в отдыхе эллинки, русская княгиня, и Дуняша с Дездемоной, крепко обнявшиеся внутри мерно сопевшей Кошкиной, неведомым образом начинали примерять к собственным буйным характерам повадки горячих финских парней...

*В серебре я не нуждаюсь,
Твое золото на что мне!
У меня его довольно,
Кладовые им забиты
Сундуки набиты ими.*

Валентина, а за ней и Виктор Николаевич прошли вдоль строя склонившихся в поклонах служителей отеля с лицами властителей, одаривших подданных неземной благодатью одним лишь своим появлением. Насладившись поистине королевским завтраком (а заодно и обедом – время-то было уже почти двенадцать), поданном в отдельном зале, один неизвестный миру олигарх и шесть красавиц в одном теле, которое этот «олигарх» бережно поддерживал под локоток, в последний раз насладились ласковой соленой водичкой Персидского залива, и отбыли в аэропорт, сопровождаемые почтительной и облегченной улыбкой хозяина отеля, на этот раз оставшегося безымянным. Никакой компенсации за полученные душевные травмы Валентина, несмотря на яростное возражение Ярославны, не потребовала. Даже не стала интересоваться, куда дели останки несчастных животных. Хотя в душе смутно ворохнулось неясное предчувствие, заставившееся тревожно зашевелиться подруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.